

КУЛЬТУРА ПИСЕМ В ЭПОХУ ПУШКИНА

Письмо Татьяны предо мною,
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.

«Евгений Онегин»

Переписка Пушкина с его современницами поднимает ряд живых исторических вопросов и возбуждает несколько значительных тем по его биографии и поэтике. Словесная культура письма в онегинскую эпоху, высокое мастерство поэта в эпистолярном жанре, общий характер романических нравов той поры, галерея женских портретов, развернутая над интимным архивом Пушкина и раскрывающая нам забытую жизнь салонов, редакций или усадебных парков, — все это возникает из палевых листков старомодной почтовой бумаги, исписанной тонким женским почерком 20-х годов.

Раскроем же эту старинную шкатулку. Развернем желтеющие пачки дружеских, шуточных, влюбленных, подчас деловых и почти всегда нежных писем женщин к Пушкину. Они помогут нам воспринять время поэта в том неуловимом, интимном, характерном и человечески-волнующем, что остается обычно за пределами строгой истории.

Пушкин высоко ценил своих читательниц и почитательниц. Его многочисленные мадригалы, послания и посвящения — часто только ответная дань признательности за сердечные исповеди и восхищенное поклонение.

«Теперь я понимаю, — пишет героиня его «Романа в письмах», — за что Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень: они их истинная публика...»

Но к той же категории относились и великосветские дамы, и руководительницы поэтических кружков, и стареющие помещицы, и смиренные писательницы 30-х годов.

Некоторые из них оставили в своих письмах к Пушкину отрывочный, но ценный материал для характеристики сердечных и литературных связей эпохи, личности Пушкина, культурных запросов его времени и духовного уровня русских женщин той поры.

Пушкин в окружении этих поклонниц и читательниц освещается с различных сторон как собеседник и писатель. Пачка женских писем, адресованных к нему, раскрывает все разнообразие впечатлений от поэта в пестром кругу его современниц.

Дружеская шутка Вяземской; блистательная похвала Зинаиды Волконской; девичья влюбленность Анны Вульф; заботливая нежность Осиповой; веселая фривольность Керн; самоотверженная страсть Элизы Хитрово; светская вежливость Смирновой; наконец, глубокое благоговение писательниц — Дуровой, Фукс, Ишимовой — сквозь все эти разнообразные восприятия и сердечные склонности отчетливее проступает перед нами вечно неуловимый образ Пушкина.

Эти листки старинной переписки — лучшие свидетельства для оценки любовных нравов эпохи. Наследие европейской эротики XVIII века заметно сказывалось в интимном быту русского культурного слоя 20-х годов. Знаток и ценитель этих традиций «галантного века», Пушкин заметно окрашивал романтические идиллии своих современниц в тона «Опасных связей» Лакло. «Чувство — только дополнение к темпераменту», — говорил он любимой его девушке, которая из общения с ним выносит впечатление, что он «опасный человек», не стоящий искреннего увлечения. Переписка Пушкина действительно подтверждает, что женщина рано получила для него значение только праздничного возбудителя жизнеощущений в духе старинных сенсуалистов Италии и Франции. На каждом шагу здесь вспоминается свидетельство юного Павла Вяземского о своеобразных уроках Пушкина, убеждавшего его «в важном значении для мужчины способности приковывать внимание женщин». «Он учил меня, что в этом деле не следует останавливаться на первом шагу, а идти вперед, нагло, без оглядки, чтобы заставить женщин уважать вас... Он постоянно давал мне наставления об обращении с женщинами, направляя свои нравоучения циническими цитатами из Шамфора...»

Отсюда ряд драматических столкновений в пушкинском окружении. Знаменитый поэт, увлекательный собеседник, облеченный громкой литературной славой и опасной репутацией донжуана, он, видимо, производил на женщин — особенно в последнее десятилетие своей жизни — совершенно неотразимое впечатление. Некоторые строки из писем к нему Анны Вульф, П. А. Осиповой или Е. М. Хитрово свидетельствуют о их глубоком и трогательном чувстве, готовом все понять и все простить. Но сам поэт относился обычно довольно легко к этим проявлениям сердечной привязанности.

Автор «Гавриилиады» мало ценил в жизни «возвышенные чувства», принимая их, видимо, только в творческом плане. Художественный корректив, во многом видоизменявший непосредственную натуру Пушкина, вносил некоторое разнообразие и в основной тон его отношений к женщине. Элегия восполняла подчас глубокими нотами мечты и печали чувственную доминанту его жизненного ощущения. Но изменить этот основной «тонус» она все же не могла.

Любовь, как проникновение в духовный облик другого существа, глубоко сочувственное овладение этим сложным миром, полное слияние с ним и радость общего бытия в единстве внутренних переживаний — такое чувство было чуждо Пушкину. Любви в этом смысле он, вероятно, никогда не знал. Единственное, кажется, чистое и глубокое поклонение, проходящее через его жизнь и донныне не разгаданное, во всяком случае, не было разделено и осталось в плане художественных вдохновений. Обычно он испытывал лишь страсть и ревность, но оба эти состояния переживал необычайно интенсивно и бурно. Если в лирике он поднимался до высоких и чистых поклонений «вечно женственному», в своей романтической практике он был далек от культа Прекрасной Дамы, от любовной метафизики Средневековья или романтизма. Скорее нечто от эпохи Ренессанса и XVIII века отразилось на его личных романах. Не Данте и не Новалис, но Аретино и Вольтер. В личности Пушкина не было ничего от рыцаря Тогенбурга и было очень много от Казановы.

Равнодушие и безразличие к духовному миру женщин определяют все его увлечения. Характерно свидетельство его брата Льва, что в разговорах с женщинами он никогда не касался вопросов поэзии и литературы. Любовь для него оставалась преимущественно сферой острых эроти-

ческих переживаний и несколько отвлеченным материалом для великолепных лирических опытов, для бессмертных русских Amores. Но любви в простом человеческом смысле ему, по-видимому, никогда не пришлось испытать. Лирика чувства исключалась насмешливым скептицизмом. К Воронцовой он применяет циническую фразу о «восьми позах Аретино», Керн для него «вавилонская блудница», Анна Вульф — смешная провинциалка, Элиза Хитрово — сладострастная Пентефриха.

В минуту откровенности он пишет Элизе Хитрово, этой глубоко сердечной женщине, которая тревожится за его здоровье, устраивает его судьбу, проявляет к нему поистине молитвенное благоговение:

«Я больше всего на свете боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств. Да здравствуют гризетки, — это и гораздо короче и гораздо удобнее...

Хотите ли Вы, чтобы я говорил с Вами откровенно? Быть может, я изящен и вполне порядочен в моих описаниях, но мое сердце совсем вульгарно, и все наклонности у меня вполне мещанские. Я пресытился интригами, чувствами, перепиской и т. д. и т. д. Я имею несчастье быть в связи с особой умной, болезненной и страстной, которая доводит меня до бешенства, хотя я и люблю ее всем сердцем. Этого более чем достаточно для моих забот и особенно для моего темперамента. Вас ведь не рассердит моя откровенность, не так ли?»

Рассердить Елизавету Михайловну, при ее беззаветной кротости, Пушкин не мог. Но мучительно ранить ее, «разорвать ей сердце» холодным или жестоким признанием, почти не замечая этого, — на это он шел бездумно и почти что безотчетно.

Переписка Пушкина показывает, что таким он обычно и был почти во всех своих романах. Взволнованные

женские голоса, обращавшиеся к нему с признаниями, хвалами и мольбами, почти никогда не встречали желанного отзвука. «*Élégant dans ses écrits*», он в любви несомненно проявлял свои «*inclinations toutes tiers-état*». Исследователь должен склониться перед обоими приговорами Пушкина и одинаково признать праздничный блеск его писаний и прозаическую будничность его любовных связей.

II

Так романические нравы эпохи, зачерченные в замечательном памятнике эротической литературы — дневнике А.Н. Вульфа, приоткрываются и в переписке Пушкина с его современниками.

Высоко ценные, как исторический документ об интимном быте пушкинской поры, они представляют и значительный интерес со стороны литературной. Словесный памятник эпохи, когда письма господствовали в повседневном быту и ощущались их авторами как законченный жанр, они во многом вскрывают и определяют законы и правила этого вида.

Письма Пушкина и его корреспонденток — это не просто признания и беседы, они почти всегда закономерно оформлены и подчинены установившимся композиционным приемам, предусмотренным кодексом эпистолярного стиля.

Характерно уже то, что в большинстве случаев они написаны на языке тогдашней культурной беседы — на французском. Особый литературный жанр — «почтовая проза» — еще не получил у нас в то время достаточного развития. Вот почему, когда Пушкин решил ввести в свой

роман любовное письмо Татьяны, он стал перед трудной художественной проблемой:

Доныне дамская любовь
Неизъяснимая по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык...

Все условия художественного правдоподобия категорически предписывали ему дать здесь стихотворный французский текст. Мы знаем, что почти полвека спустя Лев Толстой отступил в этом случае перед трудностью отказа от иностранного языка и дал в «Войне и мире» письмо Жюли Карагиной (и диалоги великосветского общества) в безукоризненном французском оригинале.

Пушкин не скрывал трудностей передачи в русских стихах письма Татьяны, которая «по-русски плохо знала» и «выражалась с трудом на языке своем родном». И вот для своих читателей поэт дает «с живой картины список бледный», т. е. перелагает в онегинские строфы —

...страстной девы
Иноплеменные слова.

Сохранилось свидетельство о том, что Пушкин действительно с трудом и после долгих колебаний разрешил эту словесную проблему. В «Московском телеграфе» (1827) сообщалось, со слов самого поэта, о его затруднениях при разрешении этого сложного стилистического опыта:

«Автор сказывал, что он долго не мог решиться, как заставить писать Татьяну без нарушения женского единства и правдоподобия в слоге: от страха сбиться на ака-

демическую оду, думал он написать письмо прозой, думал даже написать его по-французски; но, наконец, счастливое вдохновение пришло кстати, и сердце женское запросто и свободно заговорило русским языком, не задерживая и не остужая выражений чувства справками со словарем Татищева и грамматикою Меморского».

Таким образом, русское письмо Татьяны оказалось смелым художественным приемом, решительно порывавшим с установившейся культурно-бытовой традицией. Мы знаем, по переписке поэта, что она и лично была близка ему. Пушкин рано воспринял старинное наследие знаменитых французских *épistoliers*. Есть свидетельства, что мать его писала свои письма «в безукоризненном стиле какой-нибудь Севинье». Семейные письма всех Пушкиных свидетельствуют о их общей причастности к классической культуре этого жанра.

Письма Пушкина во многом вскрывают основы его общего прозаического стиля. Здесь явственно обнаруживается его словесная близость к французскому XVIII веку с его поэтикой, идеологией, умственными уклонами и литературными вкусами. Острословие Вольтера и Бомарше, быстрая повествовательная манера Монтескье и Дидро, цинический скептицизм Кребильона, Ретифа, Парни и стольких других «малых поэтов» эпохи регентства и последних Людовиков, дух критической иронии, пристрастие к кощунству, уклоны к «веселому сладострастию», блеск, ясность, изящество и лаконичная меткость стиля — всем этим предшествующее столетие в лице его законодательной нации не переставало формировать литературную манеру Пушкина.

Это, несомненно, облегчило ему путь к законченной художественности его «почтовой прозы». Поэт использовал в своих письмах огромное количество литературных приемов. Анекдоты, каламбуры, исторические реченья,

стихотворные цитаты и подчас целые поэтические фрагменты обильно расцветивают здесь основной фон текущих сообщений. Письмо Пушкина часто приближается к жанру фельетона, сохраняя, впрочем, всегда специфические особенности эпистолярного стиля. Комическая реплика Арлекина, острый и неожиданный ответ Фонвизина, забавное возражение Артура Потоцкого, историческая фраза Мирабо и Сиейсе, суждение Тиберия о Вибии Серене, восклицание Андре Шенье на эшафоте, возглас Шамфора о жертвах его эпиграмм — все это цитируется среди личных признаний, придавая подчас почтовому сообщению характер живой и занимательной беседы.

«Ах, каламбур; скажи княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, когда наденет мои поясы» (Вяземскому, 19 ноября 1826.).

«Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30 лет жизни игрока». (Плетневу, 31 августа 1830.)

«Со злости духом прочел «Духов». Calambour reconnais tu le sang?» (Кюхельбекеру, декабрь, 1825.).

«Вот тебе мои бон-мо (ради соли вообрази, что это было сказано чувствительной девушке, лет 26). Qu'est ce que le sentiment? Un supplément du tempérament» (Кн. Вяземскому, 10 августа 1825.).

Во всем этом сказываются явственные отзвуки той французской словесной культуры, которая с такой отчетливостью внесла принципы своих изощренных бесед в теорию оформления писем.

Всеми этими приемами Пушкин владеет в совершенстве. В его почтовых обращениях к женщинам они разворачиваются подчас с особым блеском и силой.

Некоторые его письма к Керн — почти сплошная игра слов, веселая и легкая болтовня, взрезанная повсе-

местно шутками, игривыми намеками и каламбурами. «Я было принялся писать вам глупости, над которыми вы бы умерли со смеху», — определяет сам он эту манеру в одном из своих писем.

Пушкин не скрывал своего восхищения перед некоторыми эпистолярными образцами XVIII века, выражая в своих отзывах собственные воззрения на качества и особенности литературного письма.

«Кажется, одному Вольтеру, — пишет он, — предоставлено было составить из деловой переписки о покупке земли книгу, на каждой странице заставляющую вас смеяться и передать сделкам и купчим всю заманчивость остроумного памфлета».

Он высоко ценит и письма президента де Бросса за необыкновенный талант изложения, шутливое остроумие и живость: «Письмо его, как и Вольтера, исполнено ума и веселости».

Пушкин в высокой степени ощущает жанр письма, и никогда не подменяет его другими литературными видами. Затрагивая всевозможные темы, он не переходит в другие стили. Описание, речь, пейзаж, литературный портрет, публицистика, памфлет, пародия — все это нигде не выступает в его письмах как самостоятельный жанр и только сообщает летучие штрихи для наиболее полного выявления основного эпистолярного стиля¹.

¹ Ряд ценных замечаний о письмах Пушкина, как литературном явлении, сделан Г. О. Винокуром. Он исходит из несомненного положения, что «Пушкин работал над своими письмами, как над художественной вещью, — письма для него были равносильны литературному факту» (Культура языка. М., 1925.). На аналогичном положении построена статья Н. Степанова «Дружеская переписка 20-х годов» в сборнике «Русская проза» под редакцией Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова (Л., 1926).

Корреспондентки Пушкина, конечно, подходили к своим почтовым творениям с меньшей озабоченностью о теориях «письма». Но известные традиции здесь несомненно сказывались. Романы в письмах им были знакомы и часто неощутимо оказывали свое воздействие на способ их выражения. Недаром Пушкин в «Метели» отмечает, что при объяснении Бурмина Марья Гавриловна вспомнила первое письмо Saint-Preux. Недаром в Михайловском он перечитывает «Клариссу Гарло», взятую, по видимому, в библиотеке тригорских барышень. Общая культура письменной беседы сказывалась на этих взволнованных и нервных листках.

Пушкин оценил их и сохранил для потомства. «Письмо Татьяны предо мною — Его я свято берегу...» Чрезмерно равнодушный к их авторам, он, видимо, все же ценил эти писанные исповеди. В некоторых случаях он действительно читал и перечитывал «с тайною тоскою» эту своеобразную литературу, оформленную по традициям французской эпистолярной поэтики, но при этом охваченную подчас горестным лиризмом открывшегося и отвергнутого чувства.

Часть этих писем дошла до нас. Мы можем вслед за поэтом перечесть эти старинные человеческие документы, освещающие нам его личность, его окружение, его эпоху.

III

Иные из этих корреспонденток оставили и свои воспоминания о поэте, значительно дополняющие их эпистолярные признания и исповеди. Мы сочли необходимым присоединить их к отделу писем, добавив к ним

еще несколько характерных женских мемуаров о поэте — М.Н. Волконской, А. М. Каратыгиной-Колосовой, В. А. Нащокиной, цыганки Тани.

Эти страницы воспоминаний как бы восполняют круг разнообразных впечатлений о поэте его ближайших современниц.

Надо отметить, что это особый вид мемуарной литературы: воспоминания о знаменитых мыслителях или художниках, бережно записанные женской рукой. Такие автобиографические свидетельства как бы составляют особую группу культурно-исторических документов. Факты творческого порядка здесь преломляются сквозь повышенную женскую впечатлительность, а облики знаменитых творцов перед нами неожиданно раскрывают новые, своеобразные, подчас наименее известные и наиболее человеческие черты. Все ценные свойства этого жанра выступают и в отрывочных мемуарных страницах о Пушкине.

Оговоримся: некоторые из приведенных воспоминаний писались их авторами под конец жизни, когда события отдаленного прошлого затуманивались и бледнели. Быль сплеталась с преданием и подчас произвольно освещалась воображением или расцвечивалась «творческой памятью». Не все одинаково достоверно в рассказах Нащокиной и цыганки Тани. И все же в основном они передают нам явственно ощутимые черты подлинной жизни, быта и облика поэта. Маловероятный анекдот без труда отпадает и не сможет исказить установленной правды о Пушкине; живые впечатления его собеседниц осветят поновому его классический портрет.

Л. Г.

В основу настоящего сборника положены известные издания переписки Пушкина: 1. *Пушкин А. С.* Переписка / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова // Собр. соч.: В 3 т. СПб.: Изд. Академии наук, 1906—1911. 2. Письма Пушкина и к Пушкину, не вошедшие в изданную Академией наук «Переписку Пушкина», собрал М. А. Цявловский. Изд. Гос. академии художественных наук. М., 1925. 3. *Пушкин А. С.* Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского // Труды Пушкинского дома Академии наук СССР. Т. 1 (1815—1825). М., Л.: ГИЗ, 1926. Т. 2 (1825—1830). М; Л.: 1928.

Сюда же необходимо присоединить и письма Пушкина к Е. М. Хитрово (1827—1832). — Труды Пушкинского дома Академии наук СССР. Л., 1927.

Большинство писем корреспонденток Пушкина написано на французском языке и по этой причине недоступно широким читательским кругам. Объединяя в одном сборнике «женскую корреспонденцию» поэта, дан полный русский перевод этих старинных посланий. Он выполнен О. М. Новиковой. Ответные письма Пушкина, написанные также на французском языке, частично даны здесь в том же переводе, частично же — в переводах вышеназванных изданий, которые воспроизведены здесь.

Тексты писем предварены небольшими статьями и заметками о корреспондентках Пушкина, написанными, главным образом, по некоторым мемуарным свидетельствам и особенно по их письмам к поэту. В облике П. А. Осиповой, например, при внимательном чтении ее писем раскрывается ряд новых черт. Хозяйственная соседка Пушкина по Михайловскому оказывается в полити-

ческом отношении носительницей весьма радикальных убеждений, во многом идущей впереди воззрений самого поэта. В 20—30-х годах эта пожилая помещица является довольно типичной представительницей оппозиционной дворянской интеллигенции, преданной декабристам и резко враждебной милитаристскому строю Николая I.

Для настоящего сборника соблюден принцип комментирования — по возможности сжатый и строго необходимый. Относя ряд разъяснений в небольшие вступительные заметки к данной группе писем, мы решили прибегать к объяснительным примечаниям лишь в тех случаях, когда они совершенно необходимы для понимания данного места, принимая во внимание уровень того подготовленного читателя, который может заинтересоваться сборником. В остальных случаях намеренно опущен всякий комментарий, так как старинные тексты воспоминаний или писем часто говорят сами за себя и в большинстве случаев не нуждаются в комментариях.

Печатаемые рядом письма и воспоминания одних и тех же лиц на одну и ту же тему в значительной степени служат взаимному пояснению и часто избавляют от интервенции редактора. Обильно приводимые попутно высказывания самого Пушкина в письмах или стихотворных фрагментах успешно служат той же цели. Небольшие вступительные заметки общего характера освещают предлагаемые тексты. Все это дает возможность сильно сократить количество примечаний, сведя их преимущественно к переводу иностранных текстов или же к сжатой справке о каком-нибудь редком явлении или малоизвестном имени.

В. Ф. Вяземская

Княгиня Вера Федоровна Вяземская (1790—1886) — жена писателя и близкого друга Пушкина, принадлежала к числу искренних друзей поэта. Будучи старше его на девять лет, она, несомненно, вносила в свои отношения к Пушкину чувство нежной материнской заботливости о нем. Этим она отчасти напоминает некоторых других «старших» подруг Пушкина, как П. А. Осипова или Е. М. Хитрово. Встречаясь с Пушкиным в Одессе в 1824 году, Вера Федоровна принимает близкое участие в его неприятностях с Воронцовым, старается образумить поэта и направить его на должный путь. «Я пытаюсь приручить его к себе, как сына, — сообщает В. Ф. Вяземская своему мужу, — но он непослушен, как паж; если бы он был менее дурен собою, я дала бы ему имя «Керубино»; право, он только и делает, что ребячества...» И в другом письме: «Мы с ним в прекрасных отношениях; он забавен до невозможности. Я браню его, как будто бы он был моим сыном...»

Вера Федоровна Вяземская, по свидетельству современников, отличалась неистощимой веселостью и надолго сохранила в своем смелом обхождении с людьми остаток какой-то очаровательной детской резвости. Разговор ее искрился живым и острым умом и постоянно преры-

вался взрывами заразительного хохота. Она отличалась даже некоторой насмешливостью и особенно любила иронизировать над влюбленными, не веря в силу страстей и скептически относясь к чувствам, ею возбуждаемым. В таком духе написано и сохранившееся ее письмо к Пушкину, согретое веселым тоном дружеской беседы, характерной шуткой над влюбчивостью поэта и, наконец, искренним участием к его судьбе и его будущему.

Существует предположение о романическом характере отношений Пушкина и Вяземской, но эту версию пока нельзя признать достаточно обоснованной. Сохранившиеся письма Пушкина к Вере Федоровне отличаются обычно простым дружеским тоном, переходящим подчас в легкую шутку.

А. С. Пушкин — В. Ф. Вяземской

3 ноября 1826 г. Торжок

Спешу, княгиня, послать вам поясы. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать вам мадригал по поводу пояса Венеры, но мадригал и чувство стали одинаково смешны. Что сказать вам о моем путешествии? Оно продолжается при самых счастливых предзнаменованиях, за исключением отвратительной дороги и невыносимых ямщиков. Толчки, удары локтями и проч. очень беспокоят двух моих спутников, я прошу у них извинения за вольность обращения, но когда путешествуешь совместно, необходимо кое-что прощать друг другу. С. П.¹ — мой добрый ан-

¹ Это, само собою разумеется, не Сергей Пушкин. — *Примеч. Пушкина.*

гел, но другая¹ — мой демон; это весьма некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях. Прощайте, княгиня, — еду похоронить себя в обществе моих соседок. Молите бога за упокой моей души. Если вы удостоите прислать мне в Опочку небольшое письмо страницы в 4, это будет с вашей стороны вполне милое кокетство. Вы, которая умеет написать записку лучше, чем моя покойная тетушка², неужели вы не проявите такой доброты? (NB: *записка впрямь синоним музыки*.) Итак, прощайте. Я у ваших ног и трясу вам руку на английский манер, так как вы ни за что не желаете, чтобы я вам ее целовал. — Торжок. 3 ноября. — Достаточно ли обиняков? Ради бога не давайте ключа к ним вашему супругу. Категорически восстаю против этого.

В. Ф. Вяземская — А. С. Пушкину

19 ноября 1826 г. Москва

Я думаю, что это письмо сильно займет вас, а моя слабость и леность воспользуются этим, чтобы сказать вам всего несколько слов. Прежде всего, не сошли ли вы с ума? Возможно ли так легкомысленно разменивать свои прекрасные рифмы и так зря тратить свое золото? Количество поясов меня возмутило; только качество³ их

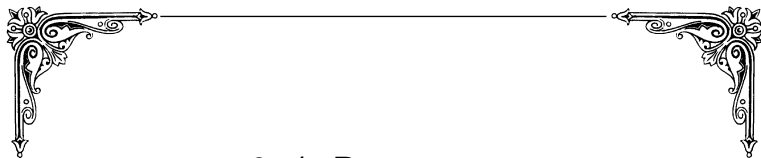
¹ По мнению Б. Л. Модзалевского — Анна Николаевна Вульф. Предыдущие же инициалы, под которыми Пушкин просит не подражать его отца Сергея Львовича, расшифровываются как Софья Федоровна Пушкина, которой поэт в то время увлекся.

² Та, которой посвящено шутивное стихотворение: «Ах, тетушка, ах, Анна Львовна, — Василья Львовича сестра...»

³ В подлиннике, приведенном в академическом издании писем *quantité* (количество), — явная ошибка.

может послужить вам извинением, — все они прелестны. Продолжают ли добрый ангел и демон сопутствовать вам? я думаю, вы давно уже оставили их. Кстати, вы так часто меняете свои предметы, что я не знаю, кто же другая. Муж меня уверяет, будто я надеюсь, что это я сама. Да сохранит нас обоих от этого небо! прежде всего я не хочу с вами путешествовать, я чересчур слаба и стара, чтобы рыскать по большим дорогам; я сделалась бы в прямом смысле слова вашим злым ангелом. Но я рассчитываю на вашу дружбу. Вы, кажется, впрочем, сбросили с себя это иго, которому должны быть обязательно подчинены, чтобы выслушивать без возмущения некоторые правдивые слова. Итак, прощайте, серьезный мой друг, сообщите нам о ваших планах¹.

¹ К письму приписка кн. П. А. Вяземского на русском языке.

3. А. Волконская

Облик Зинаиды Волконской дошел до нас в двух замечательных художественных зарисовках: в превосходной миниатюре Изабэ, передающей всю легкую и задумчивую грацию ее внешности, и в знаменитом мадригале Пушкина, запечатлевшем в нескольких летучих штрихах одухотворенный облик «Северной Коринны»:

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется, и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

В своем кратком послании Пушкин отмечает основную черту Волконской — ее пристрастие к «играм Аполлона». Дочь известного дипломата и мецената А. М. Белосельского-Белозерского, получившего даже прозвище «московского Аполлона», З. А. Волконская (1792—1862) блестяще представляла в 20-е годы русские художественные круги. Поэзия, музыка, сцена — всему этому она служила как даровитая дилетантка, умевшая объединять вокруг себя лучших представителей искусств и наук. Это была настоящая руководительница литературно-художественного салона, и в последующей истории русской художественной культуры уже не было более блестяще одаренной «предводительницы» свободного объединения художников.

Европейским стилем своей жизни, тонким художественным вкусом и несомненными артистическими дарованиями, соединенными с замечательной красотой, Волконская привлекала к себе мыслителей и поэтов самых разнообразных толков. Салон ее, где бывали Мицкевич и Чаадаев, где поэты пушкинской плеяды общались с представителями ученой Москвы, где не переставали чередоваться концерты, спектакли и чтения, остается крупным и ярким явлением в истории нашего культурного прошлого.

В письме З. А. Волконской к Пушкину отразились живые черты ее художественной жизни вместе с глубоким преклонением перед «творцом Бориса Годунова».

В начале письма она упоминает свою переделку для оперы «Орлеанская дева» Шиллера («*Ciovanna d'Arco, dramma per musica, ridotto da Schiller*», Roma, 1821).

В этой опере, как видно из ее письма, она сама и выступала, причем художник Бруни зарисовал ее в роли Жанны д'Арк. В конце письма сказывается то восторжен-

ное отношение русского общества 20-х годов к Пушкину, которое вполне разделялось и З. А. Волконской.

Об этом имеются и мемуарные свидетельства. «Помнится и слышится еще, — писал много лет спустя Вяземский, — как она в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним пропела Элегию его, положенную на музыку Геништою:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман...

Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению краска вспыхивала в лицо его...»

Это поклонение Пушкину открыто и сильно выражено в письме З. А. Волконской, которое переходит под конец в изящный, хотя и несколько надуманный стиль классической похвалы поэту.

З. А. Волконская — А. С. Пушкину

29 октября 1826 г. Москва

Вот уже несколько дней, как я отложила для вас эти немногие строки, дорогой Пушкин. Но я забыла вам их передать; ведь когда я вас вижу, я становлюсь мачехой. «Иоанна» была написана для моего театра, я играла эту роль и, желая сделать из нее оперу, принуждена была закончить свое исполнение посреди пьесы Шиллера. Вы получите литографию моей головы в *Giovanna d'Arco*, по Бруни, вы поместите ее на первой странице и будете вспоминать обо мне. Возвращайтесь к нам. В московском воздухе легче дышится. Великий русский поэт дол-

жен писать или в степях или под сенью Кремля, а творец Бориса Годунова принадлежит городу царей. Какова же должна быть мать, зачавшая человека, чей гений есть полнота силы, изящества и простоты, который, являясь нам — то дикарем, то европейцем, — то Шекспиром или Байроном, то Ариостом или Анакреоном, — но всегда Русским, переходит от лирики к драме, от песен нежных, любовных, простых, порою суровых, романтических или язвительных, к величественному и простодушному тону строгой истории.

До свидания, скорого, надеюсь. Княгиня Зинаида Волконская.

СОДЕРЖАНИЕ

Культура писем в эпоху Пушкина	5
--------------------------------------	---

ПИСЬМА

<i>В. Ф. Вяземская</i>	21
<i>З. А. Волконская</i>	26
<i>А. Н. Вульф</i>	31
<i>П. А. Осипова</i>	49
<i>А. П. Керн</i>	83
<i>Е. М. Хитрово</i>	88
<i>А. О. Смирнова</i>	100
<i>А. А. Фукс</i>	103
<i>Крепостная села Михайловского</i>	109
<i>Н. А. Дурова</i>	112
<i>А. О. Ишимова</i>	124

ВОСПОМИНАНИЯ

<i>А. М. Каратыгина-Колосова. Мое знакомство</i> с <i>А. С. Пушкиным</i>	129
<i>М. Н. Волконская. Из «Записок»</i>	140
<i>А. П. Керн</i> I. Воспоминания о Пушкине	144
II. Дельвиг и Пушкин	170
<i>Цыганка Таня. О Пушкине и Языкове</i>	188

<i>А. О. Смирнова</i>	
I. Воспоминания	199
II. Рассказы А. О. Смирновой в записи	
Я. П. Полонского	201
<i>А. А. Фукс. А. С. Пушкин в Казани</i>	205
<i>В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине</i>	212
<i>Н. А. Дурова. Встречи с Пушкиным</i>	231